

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Ч-34

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Loretta Chase

VIXEN IN VELVET

Перевод с английского *И.П. Родина*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения литературных агентств
Nancy Yost Literary Agency и Andrew Nurnberg.

Чейз, Лоретта.

Ч-34 Обольстительница в бархате : роман / Лоретта Чейз ; [пер. с англ. И. П. Родина]. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 384 с. — (Шарм).

ISBN 978-5-17-105502-8

Это было веселое пари, заключенное между Леони Нуаро — молодой владелицей модной мастерской, одевавшей дам из высшего общества Лондона, — и безупречным Саймоном Блэром, маркизом Лисберном. По условиям этого пари, Леони предстояло доказать, что новые наряды способны превратить кухню Саймона, некрасивую Глэдис Фэрфакс, в привлекательную особу, не знающую отбоя от поклонников. Ну а ставкой служила картина работы самого Боттичелли...

Леони и не подозревала, что вся история с пари — лишь хитрый план обольщения, задуманного Саймоном с первой же минуты, как он увидел очаровательную модистку на выставке живописи. Дело не в кухне и не в картине — маркиз просто хочет проводить с ней как можно больше времени...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Loretta Chekani, 2014

© Перевод. И.П. Родина, 2017

ISBN 978-5-17-105502-8

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Глава 1

Британский Институт*. Старинные мастера.

Эта ежегодная выставка — самое красноречивое доказательство ограниченности аристократии, которая скрывает от глаз публики шедевры изобразительного искусства, превращая коллекции картин в личную собственность.

«Атенеум», 30 мая 1835 г.

*Британский Институт, Пэлл-Мэлл, Лондон,
среда, 8 июля*

Он лежит обнаженный, только кусочек ткани скрывает интимные части тела. Голова запрокинута, глаза зажмурены, рот приоткрыт. Его сон крепок, и он не замечает, как маленькие сатиры играют с его доспехами и оружием, а один из них дудит в раковину у него над ухом. Рядом полулежит располагается женщина, опираясь локтем на красную подушку. В отличие от него, она полностью одета. На ней расшитая золотом рубашка. Женщина бодрствует. Она разглядывает его с непроницаемым вы-

---

* Б р и т а н с к и й И н с т и т у т (British Institution) — частное общество, занимавшееся организацией выставок в Лондоне в XIX в. Основано в 1805 г., распушено в 1867 г. —

Здесь и далее примеч. пер.

ражением лица. Уголки ее губ слегка приподняты. Это улыбка или осуждение? А может, ее мысли витают где-то далеко?

Леони Нуаро могла бы дать шестнадцать ответов на этот вопрос, и ни один из них не был бы удовлетворительным. У нее не вызывало никакого сомнения то, чем парочка занималась перед тем, как мужчина — римский бог Марс, согласно выставочному каталогу, — крепко уснул. О чем бы еще ни размышляла Леони — например, о причине, по которой она оказалась здесь сегодня, или где было это «здесь», или кто она вообще такая, — все отошло на задний план. Сейчас ничто не было важно, все вообще перестало существовать. Все, кроме картины.

Леони стояла перед полотном Боттичелли* «Венера и Марс», но с таким же успехом могла бы находиться на другой планете или в другом времени, настолько картина поглотила ее. Она стояла, смотрела и изучала каждый мазок кисти, пытаясь понять секрет этой живописи. И не могла оторваться.

Если бы вдруг кто-нибудь оказался между ней и картиной, Леони задушила бы этого человека. Но никого рядом не было. Ежегодная выставка Британского Института по-прежнему привлекала посетителей. Здесь было много художников, которые расставляли свои мольберты в галереях и перерисовывали работы старых мастеров. Эти художники сильно мешали посетителям, пока с отчаянием пытались воспользоваться единственной представившейся возможностью скопировать работы из частных собраний.

Но никто не мельтешил перед Леони. Никто не нависал сзади. Даже странно, почему. Она пришла сюда не ради искусства. У нее для этого имелась своя причина.

---

4 * Боттичелли Сандро (1445–1510) — великий итальянский живописец эпохи Возрождения.

Исключительно важная причина... О которой Леони забыла в тот же миг, как только увидела картину. Она могла бы любоваться ею бесконечно или пока зрители не вывели бы ее отсюда. Однако...

Сильный грохот, неожиданный, как удар грома, разразился в зале.

Подскочив, Леони отшатнулась.

И натолкнулась на стену, которая почему-то оказалась за спиной.

Нет, это была не стена.

А что-то большое, теплое и живое.

Оно пахло мужчиной: мылом для бритья, накрахмаленным бельем и сукном. Две крупные, явно мужские руки в перчатках легко легли ей на плечи и аккуратно вернули девушку в вертикальное положение.

Леони резко обернулась и подняла взгляд — нет, задрала голову! — чтобы посмотреть на стоявшего сзади.

«О черт!»

Хотя правильнее было бы воскликнуть: О Марс!

Вероятно, он все-таки не был точной копией изображенного на картине бога войны. Прежде всего потому, что оказался полностью одет. И одет очень дорого. Но нос, лоб и рот у него были совсем как у Марса. А в особенности глаза. Правда, в отличие от бога войны, незнакомец не спал.

Глаза были зеленые с золотистыми искорками. Светлые пряди сверкали и в его темно-русых волосах, которые курчавились, как у Марса, и казались очаровательно непослушными. Что-то во взгляде и выражении лица тоже намекало на непокорность, но иного рода: едва заметная улыбка и чересчур невинный взгляд широко открытых глаз. Это что, проявление слабоумия?

— Кажется, от волнения я поставил вам подножку, — сказал он. — Искренне прошу меня извинить.

Нет, на слабоумного мужчина не походил.

Важнее было то, что он оказался в такой близости к ней, а Леони этого не заметила. Она не

позволяла никому подкрадываться сзади. В Париже это могло стоить жизни. Да и в Лондоне риск был велик.

Все опасения Леони оставила при себе, чему научилась очень давно.

— Надеюсь, я не покалечила вас, — заметила она и опустила взгляд. Его сапоги оказались в идеальном состоянии. Камердинер наполировал их до блеска так, что пыль лондонских улиц не решилась бы осесть на них, ослепленная сиянием.

Мужчина тоже опустил взгляд и посмотрел на ее обувь.

— Разве такая маленькая ножка в кусочке атласа и серебристой коже может нанести мне хоть какой-то ущерб? Без шансов, вам не кажется?

— Эти кусочки атласа и кожи называются полусапожками, — сказала Леони. — И нога у меня не маленькая. Но очень галантно с вашей стороны сказать именно так.

— Учитывая обстоятельства, я просто обязан был сказать что-нибудь приятное, — поклонился мужчина. — Кроме того, нужно было придумать вескую причину, почему я подкрался к вам. Или найти какое-нибудь рыцарское объяснение, например, что я собирался защитить вас от падающих мольбертов. Но тогда вы бы сочли меня идиотом. Любой бы заметил, что объекты, которые могли представлять угрозу, находятся в нескольких ярдах отсюда.

Она была уверена, что слышит, как кто-то ругается тремя картинами левее, оттуда же доносились скрип дерева по дереву и шуршание тяжелой ткани. Леони даже не посмотрела в ту сторону. Девушки, которые теряют бдительность, когда боги отклоняются от своих путей, попадают в очень неприятные ситуации. Поинтересуйтесь об этом у Дафны, у Леды или у Данаи.

Сегодняшнее скрывающееся солнце вдруг решило показаться в небе. Его лучи играли золотистыми прядями волос незнакомца.

— Возможно, вас привлекла картина, — предположила Леони. — И вы потеряли равновесие.

— Хорошая причина, — согласился он. — Но так как эта картина моя, у меня было достаточно времени рассмотреть ее. Поэтому не годится.

— Ваша? — удивилась Леони. Она не удосужилась заглянуть в конец каталога, чтобы узнать имя владельца полотна. Ей казалось, что такое произведение искусства может принадлежать лишь королю или герцогам из королевского семейства.

— Ну, так говорится. Я, конечно, не Боттичелли, как вы понимаете. Парень умер сколько-то там веков назад. Я — Лисберн.

Леони сосредоточилась и мысленно пролистала страницы своей записной книжки, куда заносила персональные данные английских аристократов, а также важные и наиболее любопытные факты, которые встречались ей в бульварных газетенках или были услышаны в разговорах клиентов.

Соответствующую заметку она нашла довольно быстро, потому что буквально на днях дополняла досье. Лисберн — это Саймон Блэр, четвертый маркиз Лисберн. Возраст — двадцать семь лет. Официально признанный единственный потомок всеми оплаканного третьего маркиза Лисберна, чья вдова недавно вновь вышла замуж и поселилась в Италии.

Последние пять или шесть лет лорд Лисберн тоже жил за границей и вернулся в Англию в компании своего кузена лорда Суонтона две недели назад.

Именно виконт Суонтон был той причиной, по которой Леони оказалась в галерее Пэлл-Мэлл среди рабочего дня.

Она снова посмотрела на картину. Затем огляделась вокруг. На самом деле впервые. Она наконец поняла, почему никто не мешал ей наслаждаться картиной.

Все стены галереи были увешаны пейзажами,

сценами гибели мифических и исторических персонажей, воинскими сражениями и чем-то подобным, а кроме того, мадоннами и картинами на религиозные сюжеты. Боттичелли не имел к этому отношения. Никакой тебе дидактики, никакого насилия, и уж совершенно точно никакой буколической невинности.

— Интересный выбор, — заметила Леони.

— Она висит особняком. Теперь вы это заметили, — сказал он. — Кажется, Боттичелли никого не волнует в наше время. Мои друзья уговаривали меня выставить здесь какую-нибудь батальную сцену.

— Вместо этого вы выбрали момент после.

Лорд Лисберн окинул картину своими зелеными глазами, а потом снова вернулся взглядом к Леони.

— Я мог бы поклясться, что между ними произошло любовное сражение.

— А я могла бы поклясться, что она одолела его.

— Ах, но ведь он восстанет снова, чтобы сражаться на следующий день.

— Может, и так. — Она развернулась и подошла к картине еще на шаг, понимая при этом, что рискует попасть под ее влияние. Снова. Разумеется, Леони видела работы ничуть не хуже. В Лувре, например. Но эта...

Хозяин картины подошел и встал сбоку. Какое-то время они разглядывали ее молча. В напряженной тишине, как ей показалось.

— Меня страшно интригует выражение лица Венеры. Интересно, о чем она думает?

— Существует единственная разница между мужчиной и женщиной, — отозвался Лисберн. — Он спит, а она думает.

— Должен же кто-то думать, — пробормотала Леони. — И, кажется, это чаще всего выпадает на долю женщин.

— Я всегда удивлялся, почему они потом тоже не засыпают.

— Ничего не могу сказать по этому поводу. — Она была честна. Ее представления о физической любви между мужчиной и женщиной — хотя старшие сестры весьма подробно описывали, как это происходит, — не основываются на собственном опыте. Для нее на первом и последнем месте всегда было дело. В особенности теперь. — Что интересует меня больше всего, так это внешний вид дамы.

Открыв свой ридикюль, Леони достала визитную карточку и протянула маркизу. Это была очаровательная карточка. Такой она, конечно, и должна была быть, чтобы соответствовать самому передовому предприятию Лондона в особой сфере деятельности. Размер у нее был такой же, как у карточек, с которыми дамы наносят визиты, и гравировка элегантная, и цвет. Однако это все-таки была деловая карточка, на которой значилось — «Модный дом Нуаро», Туалеты для дам, Лондон, Сент-Джеймс-стрит, № 56.

Лисберн изучал визитку какое-то время.

— Я одна из владелиц, — объяснила Леони.

Он поднял глаза и встретился с ней взглядом.

— Это не на вас женился мой кузен Лонгмор?

Она даже не удивилась тому, что ее новый зять доводится кузеном лорду Лисберну. Все в этом мире связаны между собой родственными узами в той или иной степени, а плодовитая семья Фэрфаксов, к которой принадлежал граф Лонгмор, имела массу ветвей и продолжала пускать новые побеги, словно виноградная лоза.

— Нет. Это моя сестра Софи, — сказала Леони. — На будущее, Софи — блондинка. — Ей было известно, как лондонский свет воспринимает владелиц «Модного дома Нуаро»: три сестры, а иногда три ведьмы или три французские колючки — брюнетка, блондинка и рыжая.

— Понял. А одна из вас замужем за герцогом Кливдоном.

— Да, моя сестра Марселина. Она — брюнетка.

— Здорово, что ваши родители позаботились о том, чтобы было проще вас различать, — сказал он. — И как мило, что вы все мне объяснили. Не то, скажем, я перепутал бы вас с графиней Лонгмор и стал бы ухаживать, а ее суровый муж попытался бы проучить меня. Например, помял бы мой шейный платок, который я сегодня завязывал полчаса.

В свои двадцать один Леони была опытной деловой женщиной, а не какой-нибудь юной мисс, выросшей в тепличных условиях. Она посмотрела на шейный платок маркиза с профессиональной точки зрения. Вернее, попыталась. Но сделать это оказалось труднее, чем должно было бы быть.

Под точеной линией подбородка шейный платок с идеально заложенными складками был повязан настолько безупречно, что казалось, будто его вырезали из мрамора.

Все, во что был одет маркиз, производило впечатление какого-то нечеловеческого совершенства. Это относилось и к его лицу, и к фигуре.

У Леони вдруг слегка закружилась голова, и она подумала, что сейчас самый удачный момент упасть в обморок. Однако профессионализм победил, и Леони смогла критически оценить шейный платок.

— Вы потратили время с толком.

— Разве это имеет значение? — сказал Лисберн. — Никто не посмотрит в нашу сторону, когда Он рядом.

— Он? — удивилась Леони.

— Мой поэтический кузен. Я сыт по горло своими кузенами. О черт, вот и они!

Со стороны центральной лестницы доносились голоса.

Она повернулась на шум и увидела верхушки шляп, потом головы, а затем и туловища. После короткого замешательства группа, состоявшая главным образом

10 из молодых женщин, выбрала путь и направилась

к арке, ведущей в галерею, где в этот момент находилась Леони. Здесь они и остановились, вполне умеренно, но совсем не так, как подобает настоящим леди, потолкавшись и поработав локтями. Потом расступились и дали пройти вперед высокому, стройному, божественного вида джентльмену. Его соломенно-желтые волосы были слегка длинны, а одежда казалась несколько театральной.

— Я говорил о нем, — объяснил Лисберн.

— Лорд Суонтон, — догадалась она.

— Кто же еще может быть в окружении двух дюжин девушек, которые заглядывают ему в рот с одинаковыми влюбленными лицами.

Леони обвела взглядом компанию. Девушки были примерно одного с ней возраста, за исключением горстки мамаш или тетюшек, которые выступали в роли сопровождающих. В последних рядах почитательниц лорда Суонтона и их недовольных спутниц она вдруг увидела новую золовку Софи — леди Клару Фэрфакс. Вид у той был скучающий. Рядом с ее светлостью стояла простая на вид девушка, которая была потрясающе дурно одета.

Леони воодушевилась. Можно расширить клиентуру. Это даже выходило за рамки того, на что она рассчитывала.

На миг Леони забыла о новом знакомом и даже о картине. Почти. Но, справившись с возбуждением, снова повернулась к лорду Лисберну.

— Благодарю вас, милорд, за то, что не дали мне рухнуть, как тот мольберт, — сказала она. — Спасибо и за то, что выбрали именно эту картину для выставки. Терпеть не могу сцены с насилием, которые, судя по всему, здесь очень популярны. А безгрешные существа такие скучные! Этот опыт был благотворен.

— Какой именно опыт? — поинтересовался маркиз. — Наше знакомство было кратким, однако наполненным событиями.

Ей очень хотелось задержаться здесь, чтобы пофлиртовать с ним. Он был в этом хорош. Бо-

лее того, в дополнение к своей красоте Лисберн был еще и аристократом, владевшим бесценной картиной — не важно, популярной или нет. Вне всякого сомнения, он владел еще несколькими сотнями бесценных или по крайней мере невероятно дорогих предметов искусства в дополнение к двум или трем огромным особнякам в разных уголках Великобритании. Если — или, вернее, когда — лорд женится и (или) заведет себе любовницу, ему придется нанять для нее дом, слуг, карету, лошадей и так далее. И тогда самым главным в этом «и так далее» будут наряды.

Однако подруга Клары чувствовала себя явно не в своей тарелке и была готова развернуться и уйти. А такой приз выпадает не каждый день. Леони уже добилась внимания лорда Лисберна в любом случае. На днях он заявится к ним в магазин, если она хоть что-то понимает в мужчинах.

— Да, действительно, — согласилась она. — Тем не менее я здесь по делу.

— По какому?

— Дамы... — сказала Леони. — Наряды... — Она показала на свое платье. Жест Леони репетировала полчаса специально для этого случая. — Возможность заявить о себе...

Вежливо присев в реверансе, она быстро направилась к лорду Суонтону и компании его воздыхательниц. За своей спиной Леони слышала приглушенное бормотание, но у нее не было времени обернуться. Дурно одетая девушка тянула леди Клару за руку, чтобы уйти.

Леони прибавила шаг.

Не спуская глаз с подруги леди Клары, она не заметила брезента, расстеленного у нее под ногами.

Запнулась за него и полетела головой вперед.

Компания замерла, послышались смешки, когда Леони, совсем неизящно размахивая руками, падала

на пол.

Лорд Лисберн тоже не обратил внимания на брезент. Он был слишком увлечен, разглядывая уходящую мисс Нуаро со спины, хотя до этого уже воспользовался возможностью понаблюдать за ней на расстоянии, а также в почтительной близости, пока она стояла перед Боттичелли, не замечая никого и ничего вокруг. Когда девушка обернулась и посмотрела на него, он чуть не споткнулся, решив, что боттичеллиевская Венера ожила: то же самое — или невероятно похожее! — лицо в форме сердечка, соблазнительный носик с небольшим изъёмом... Загадочная улыбка, за которой могла скрываться как глубокая задумчивость, так и тяжелый опыт... И неожиданно решительный подбородок.

Его воображение уже готовилось разыграть и создать малоприличные фантазии, но тут в дело вмешались рефлексy. В одну секунду он оказался рядом с мисс Нуаро и одним мягким движением подхватил падавшую девушку, заключив ее в объятия.

За шесть лет, которые Саймон Блэр провел вне Англии, женские наряды в своей экстравагантности стали еще более причудливыми. Трудно было с уверенностью сказать, какая часть девичьей фигуры настоящая, а какая создана ради художественного эффекта. И хотя ему нравились художественные эффекты, он с радостью обнаружил, что чудесные формы этой девушки оказались искусственными в самой незначительной степени. Судя по теплу, которое ощущалось при прикосновении, тело у нее было щедро-округлым, как он и предполагал. И пахло от нее тоже очень приятно.

Лисберн увидел широко открытые глаза, синева которых могла бы затмить сапфиры и тосканское небо, и сочные пухлые губы.

— Теперь вы добились своего, — шепотом произнес он. — Все смотрят на вас.

Так оно и было, без преувеличения. Все остановились, прекратили разговаривать и смотрели

на них, раскрыв рты. И кто стал бы винить их за это? Ведь не каждый день рыжая роскошная особа падает в объятия мужчины.

Возникшая суэта привлекла людей из других залов.

Сегодняшний день становился не таким скучным, как обещал.

— Мисс Нуаро!

Суонтон заторопился к ним, проталкиваясь сквозь толпу своих обожательниц, по ходу дела пару раз наступив кому-то на ноги. Барышни последовали за ним. Даже кузины Лисберна — Клара и Глэдис Фэрфакс — тоже не остались в стороне. Хотя на их лицах не было заметно сильного беспокойства, а энтузиазма — и того меньше.

— Зевс Великий, что произошло? — всплеснул руками Суонтон.

— Даме стало дурно, — ответил маркиз.

Он знал, те несколько человек, кто смог оторваться от созерцания Суонтона, видели, что происходило на самом деле. Лисберн оглядел собравшихся, лениво предлагая свидетелям возразить ему. Никто не шевельнулся. Даже два отъявленных мерзавца Меффат и Тикер молчали. В кои-то веки!

Правда, леди Глэдис Фэрфакс фыркнула, но на нее никто не обратил внимания — кому же захочется превратиться в объект кровной мести. С другой стороны, она ведь тоже недавно вернулась в Лондон после нескольких лет отсутствия. Ее, конечно, никто не забыл, как не забывают эпидемию чумы, например, или Лондонский пожар*, или приступ водобоязни.

— Мерсі. — Мисс Нуаро поблагодарила его вполголоса по-французски. Лисберн не услышал ее, а скорее

---

* Лондонский пожар, или Великий лондонский пожар, охватил центральные районы английской столицы и продолжался четыре дня (2–5 сентября 1666 г.).

ощутил сказанное, в такой близости к его груди она находилась.

— *Je vous en prie**, — с готовностью ответил маркиз.

— Это была мгновенная слабость, — уже более отчетливо сказала Леони. — Вы можете опустить меня на пол.

— Уверены, мадам? — спросил Суонтон. — Вы раскраснелись, что неудивительно. Эта ужасная духота! Ни глотка свежего воздуха сегодня. — Он бросил взгляд на небо за окном. Все сделали то же самое. — А солнце! Оно палит, словно перепутало Лондон с Сахарой. Кто-нибудь, будьте так любезны, подайте мадам стакан воды.

Мадам? Тут Лисберн вспомнил ее элегантную визитную карточку. На таких карточках портнихи, в особенности самые дорогие, именуются «мадам», вне зависимости от их семейного статуса.

Суонтон, оказывается, был знаком с ней. И ведь словом не обмолвился, подлец. Нет, подлость не в его характере. Скорее всего, им овладело очередное поэтическое вдохновение, и он просто забыл о мисс Нуаро, пока не увидел ее снова. Вполне типично для него.

Отец Суонтона погиб молодым при Ватерлоо, и тогда отец Лисберна принял мальчика в свой дом. Саймон стал ему старшим братом, его защитником и сохранял данное положение, пока Суонтон не стал Суонтоном.

— Милорд, вы слишком любезны, — сказала она. — Мне не нужно воды. Все в порядке. Это была минутная слабость. Лорд Лисберн, прошу вас, отпустите меня.

И начала изгибаться в его руках, что было забавно.

Будучи мужчиной отменного здоровья, у которого все части тела пребывали в рабочем состоянии, ему страшно не хотелось отпускать ее. Но так как последнее все равно пришлось бы сделать, Саймон решил продлить удовольствие и поэтому поставил девушку на пол с величайшей осторожностью, позволив ее телу проскользнуть вдоль

---

* Пожалуйста (*фр.*).